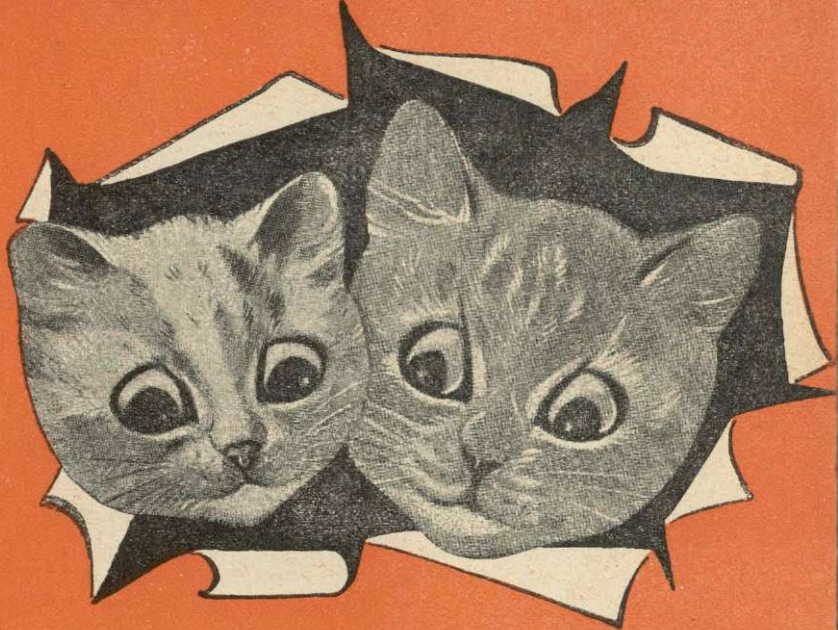

№ 13

М А Й

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАБОТА О ДѢТЯХЪ У ЖИВОТНЫХЪ.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

ИЗЪ ИНСТИТУТСКОЙ ЖИЗНИ

ПРИХОДЪ ВЕСНЫ.

НОВГОРОДЦЫ (повѣсть).

ФОКУСЪ.

ШАРАДА, АРИѦМОГРАФЪ,
ребусъ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

„Великорусская усадьба“ для склеиванія (продолженіе).

Выкройка пелеринки для дѣвочки

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Редакція проситъ подписчиковъ по разсрочкѣ поспѣшить высылкой слѣдующаго съ нихъ взноса, чтобы не было перерыва въ высылкѣ иль журнала.

Мышь довѣрилась собакѣ вполне.

ЗАБОТА О ДѢТЯХЪ У ЖИВОТНЫХЪ.

Многія животныя, которыя сами ведутъ бродячій образъ жизни и во все не нуждаются въ постоянномъ жилищѣ, часто проявляютъ очень много ума въ устройствѣ для своихъ дѣтенышей безопасной и удобной дѣтской. Въ приготовленіи ея у такихъ животныхъ обыкновенно большое участіе принимаетъ мать, которая по возможности поступаетъ во всемъ такъ-же, какъ поступали и ея предки, и старается устроить для своихъ дѣтенышей логовище именно такого-же рода и вида, въ какомъ родилась и она сама. Но если животныя эти находятся въ неволѣ или не живутъ своей естественной жизнью по какимъ-либо другимъ причинамъ, или же у нихъ не хватаетъ необходимыхъ для этого матеріаловъ или подходящаго мѣста, то они поступаютъ совсѣмъ иначе. Въ такихъ случаяхъ они проявляютъ столько предусмотрительности и здраваго смысла, что работа ихъ не пропадаетъ даромъ. Съ необъяснимымъ для насъ довѣріемъ одного животнаго къ другому, которое никогда не обманываетъ ихъ въ минуты несчастій, они стараются устроить для своей семьи такое убѣжище, въ которомъ ихъ малышамъ было-бы и тепло и безопасно даже отъ самыхъ лютыхъ враговъ.

Вотъ что пишетъ одна дама изъ города Кливдона въ Англии: «Нѣ-

сколько дней тому назадъ одинъ мой знакомый сообщилъ мнѣ, что у него была любимая собака, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ не давала ему разгребать въ ея конурѣ солому, когда онъ хотѣлъ разостлать ее поудобнѣе. Кромѣ того она не давала ему чистить ея корыто. Тогда онъ сталъ наблюдать за ней и увидѣлъ вдругъ мышъ, которая со всей своей семьей ѣла вмѣстѣ съ собакой изъ одного корыта. Оказалось, что она устроила себѣ гнѣздо именно въ самомъ корытѣ и собака боялась, какъ-бы ея хозяинъ не потревожилъ этимъ выгребаніемъ мышъ. Отсюда ясно, что мышъ довѣрилась собацѣ вполне, считывая получить отъ нея защиту передъ человѣкомъ, и не ошиблась въ этомъ. Желаніе-же доставить своимъ дѣтямъ такого покровителя, чтобы онъ спасалъ ихъ отъ враговъ, заставило ее устроить гнѣздо даже въ такомъ неудобномъ мѣстѣ, какъ корыто съ ѣдой».

Извѣстенъ еще другой такой-же примѣръ, гдѣ мышъ тоже является героиней. Въ одномъ хозяйствѣ стали замѣчать, что у одной очень красивой курицы Бентамской породы, сидѣвшей на яйцахъ въ корзинѣ, обшитой снаружи мѣшкомъ, сталъ такъ портиться хвостъ, что казался уже простымъ пучкомъ обдерганныхъ перьевъ, хотя кругомъ не было ничего такого,

обо что эта курица могла-бы такъ сильно уродовать свой хвостъ. Когда же вывелись цыплята и matka вышла съ ними изъ гнѣзда, то подѣ нимъ оказалась прекрасно устроенная дѣтская мышь. Наружная часть ея оказалась сплетенной изъ нитей, которыя она натаскала изъ мѣшка, а вся внутренняя была уложена перьями изъ хвоста курицы, которыя были нагрызены мышью на мелкія перышки, такъ какъ на нихъ виднѣлись слѣды отъ ея зубовъ. И мышь такъ ловко воровала у курицы перья, что та даже и не замѣчала этого, потому что если-бы только она замѣтила похитительницу, то одного удара ея клюва было-бы достаточно, чтобы прекратить это воровство.

Брошенные птицами гнѣзда часто переходятъ въ собственность тѣхъ животныхъ, которыя ихъ вовсе и не строили. Наши домашнія животныя никогда не выказываютъ намъ своихъ взглядовъ относительно того, какъ-бы они хотѣли устроить дѣтскія для своихъ дѣтенышей. Но каждый изъ васъ замѣчалъ, какъ, напр., котятки любятъ карабкаться на деревья. Они любятъ также спать гдѣнибудь на заборѣ или на какойнибудь жерди. Это потому, что ихъ предки были древесными животными или иначе—живущими на деревьяхъ. Даже и теперъ, если кошка живетъ неподалеку отъ деревьевъ или отъ лѣса, то она иногда убѣгаетъ изъ дому и начинаетъ жить такъ, какъ жили ея предки. Этимъ объясняется слѣ-

дующій фактъ. Не такъ давно одинъ мальчикъ въ селеніи Мальдонъ, въ Эссексѣ, взобрался на высокое дерево, чтобы поглядѣть въ гнѣздо, которое свила себѣ птица на самой его вершинѣ. Когда онъ добрался до него, то вмѣсто птицъ увидалъ въ немъ кошку и съ нею трехъ маленькихъ еще слѣпыхъ котятъ. Оказалось, что кошка самымъ трогательнымъ образомъ по нѣскольку разъ въ день спускалась съ вершины дерева внизъ для того, чтобы поѣсть и попить, и затѣмъ снова забиралась на самый верхъ, чтобы покормить тамъ молокомъ своихъ дѣтенышей. Тогда стали слѣдить за ея котятами. Какъ только они прозрѣли, они стали вылѣзать изъ своего гнѣзда и люди долго потомъ видѣли, какъ они весело играли, точно птицы, на вѣткахъ своего родного дерева. И все время мать аккуратно спускалась внизъ и на этотъ разъ аккуратно носила имъ наверхъ то мышку, то кусочки мяса, которые ей давали люди. А затѣмъ, когда ея котятки выросли настолько, что могли уже свободно бѣгать по землѣ, кошка свела ихъ съ дерева внизъ и вмѣстѣ съ ними уже навсегда ушла въ лѣсъ. Больше ихъ не видѣлъ никто. Точно такъ-же и полевая мышь поселяется въ пустой норкѣ крота, и птичка зимородокъ—въ норкѣ водяной мыши, а шмели и осы—очень часто устраиваютъ свои ульи въ покинутыхъ норкахъ мышей.

Но не только кажутся для насъ странными тѣ мѣста, которыя жи-

вотныя выбираютъ для своихъ гнѣздъ, но и тѣ матеріалы, изъ которыхъ они эти гнѣзда строятъ. Когда они дѣлаютъ ихъ наспѣхъ или когда имъ негдѣ бываетъ добыть такихъ матеріаловъ, которые дали-бы имъ тепло и мягкость, то они поступаютъ такъ, какъ не додумался-бы чело-вѣкъ. Такъ птица гагара выщипываетъ у себя на груди пухъ, чтобы уложить имъ свое гнѣздо, и выдираетъ его изъ себя цѣлые полфунта заразъ, что составляетъ довольно порядочную его массу по объему. Этотъ свой пухъ она такъ укладываетъ въ своемъ гнѣздѣ, что онъ становится похожимъ на теплое одѣяло. Она можетъ его отворачивать и можетъ свои яйца укрывать имъ вновь, чтобы они не остыли, когда она отправляется на добычу и для этого оставляетъ гнѣздо. И если люди отнимаютъ у нея это одѣяло, чтобы потомъ продать его подъ названіемъ гагачьяго пуха, то она выщипываетъ на своей груди пухъ снова, и такъ дѣлаетъ до трехъ разъ. Но если люди окажутся настойчивыми и отнимутъ у нея и это третье одѣяло, то тогда начинаетъ ощипывать себя ея мужъ и ощипывается до тѣхъ поръ, пока не станетъ совершенно голымъ, несмотря на полярный холодъ. И часто бывали примѣры, что лишившись этого теплаго одѣяла, птицы гагары погибали отъ морозовъ или что ихъ отецъ, оставшись совсѣмъ голымъ, безъ перьевъ, захварывалъ и умиралъ. А мы ходимъ въ кофточкахъ на га-

гачьемъ пуху и едвали даже знаемъ о томъ, что вмѣсто насъ на далекомъ сѣверѣ зябнутъ несчастные птенцы, лишившіеся тепла въ своей дѣтской, или умираетъ взрослая птица, самоотверженно пожертвовавшая своимъ опереніемъ для птенцовъ.

Что касается млекопитающихъ, то и среди нихъ встрѣчаются животныя, устилающія своею шерстью свою норку. Такъ кроликъ выщипываетъ у себя на груди шерсть, чтобы устлать ею полъ своей норки, когда у него появятся маленькія дѣтки.

Но если тепло и мягкость гнѣздъ такъ необходимы для птицъ и животныхъ, то не всегда и не всѣ животныя ихъ могутъ одинаково легко добыть и часто имъ приходится обходиться и безъ нихъ. Такъ, въ очень населенныхъ кварталахъ Лондона, гдѣ голубямъ приходится гнѣздиться на крышахъ при очень неблагоприятныхъ условіяхъ и при полномъ отсутствіи матеріаловъ для постройки гнѣздъ, они дѣлаютъ себѣ ихъ изъ кусковъ проволоки, которые бросаютъ телефонные мастера, когда проводятъ телефоны. А былъ и такой случай, когда воронъ свилъ себѣ гнѣздо изъ битыхъ стеклянныхъ бутылокъ. Вообще въ рабочихъ кварталахъ большихъ городовъ въ гнѣздахъ птицъ находятъ часовыя пружины, гвозди, веревки и многіе другіе предметы, изъ которыхъ бѣднымъ птицамъ приходится дѣлать жилище для своихъ дѣтей за неимѣніемъ какихъ-либо подходящихъ матеріаловъ. И теперь,

въ особенности въ Западной Европѣ, гдѣ городская жизнь стала настолько благоустроенной, что моютъ даже мостовыя на улицахъ, а о сорѣ нѣтъ даже и помину, матеріаловъ для постройки гнѣздъ стало такъ мало, что бѣднымъ птицамъ приходится строить для своихъ птенцовъ дѣтскія изъ совѣмъ неподходящихъ предметовъ. Голубь спускается на мостовую, чтобы подобрать съ нея соломинку для постройки гнѣзда, но вмѣсто соломинки находитъ кусокъ проволоки. Воробей летитъ за перышкомъ, но это оказывается кусочкомъ газетной бумаги; ему нуженъ кусочекъ грязи, но вмѣсто нея онъ находитъ колесную мазь. Не мудрено поэтому, что въ гнѣздѣ голубя стали находить часовыя пружины, а въ гнѣздѣ галки—горлышки отъ бутылокъ.

Та-же заботливость о дѣтяхъ замѣчается и въ мірѣ насѣкомыхъ. Интересный примѣръ такой заботливости приведенъ однимъ офицеромъ, служившимъ въ Индіи. Онъ сидѣлъ у себя за письменнымъ столомъ и писалъ, когда въ окно къ нему влетѣла красивенькая, блестящая мушка. Послѣ долгихъ поисковъ въ кабинетѣ она нашла наконецъ одно изъ гусинныхъ перьевъ, которыми офицеръ писалъ, и въ его дудочку засунула зелененькую личинку и кромѣ того свои яички и затѣмъ заклеила перо нарочно приготовленной для этого изъ грязи пробочкой. Такимъ образомъ у нея получилась прочная

и надежная дѣтская. Такого рода предвидѣніе у насѣкомыхъ прямо удивительно, потому что очень многія изъ нихъ не доживаютъ до того момента, когда изъ яичекъ вылупляются ихъ дѣтки. Вѣдь все на свѣтѣ постигается изъ опыта. Мы потому только спимъ на кроватяхъ, а не прямо на землѣ, что опытъ показалъ намъ, что спать на кроватяхъ полезнѣе, чѣмъ на землѣ. Какимъ-же образомъ насѣкомыя, которыя не видятъ никогда своихъ дѣтей и слѣдовательно не имѣютъ ровно никакого опыта въ устройствѣ дѣтской для нихъ, такъ предусмотрительно относятся къ своему будущему молодому поколѣнію? Это совершенно намъ не извѣстно и называется инстинктомъ. Поэтому мы говоримъ: «нѣкоторыя насѣкомыя устраиваютъ для своихъ дѣтей дѣтскія не по опыту, а по инстинкту». Изъ всѣхъ насѣкомыхъ только одинъ клещъ, котораго мы всѣ такъ не любимъ и презираемъ, высиживаетъ свои яички подъ своимъ тѣломъ. И когда изъ нихъ вылупляются маленькіе клещики, то онъ ихъ ревниво охраняетъ, дерется за нихъ и защищаетъ ихъ собою, пока они не подрастутъ, точь въ точь, какъ это дѣлаетъ курица, когда у нея бываютъ цыплята. Вотъ маленькій примѣръ того, сколько нѣжной любви къ дѣтямъ разсѣяно повсюду, у всѣхъ тварей, созданныхъ Творцомъ, начиная отъ голубого поднебесья и кончая пылью подъ нашими ногами.

Изъ E. Carrington.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Весенний вечеръ. За лѣскомъ	Затихли птички. Соловей
Садится солнце краснымъ кругомъ	Запѣлъ ужъ гдѣ-то на опушкѣ,
И на лошаdkѣ, сѣвъ бочкомъ,	Жуки гудятъ между вѣтвей
Домой плетется пахарь съ плугомъ.	И у рѣки кричатъ лягушки.

Усталъ пахать, усталъ садить,
 Но не ушелъ-бы съ огорода...
 О, какъ прекрасна ты природа,
 Какое счастье всѣхъ любить!

Кузнечикъ.

ИЗЪ ИНСТИТУТСКОЙ ЖИЗНИ.

Варѣ Осиповой было 13 лѣтъ, когда ее отвезли въ одинъ изъ Московскихъ институтовъ. Дома это была веселая, бойкая дѣвочка, большая проказница; но въ институтѣ въ первое время она совсѣмъ притихла, такъ ее поразила окружающая чуждая обстановка. Внушительныя фигуры класныхъ дамъ, громадныя пустыя дортуары и классы, звонки, раннее вставанье,—все это казалось ей страннымъ послѣ уютной свободной жизни въ родной усадьбѣ.

Привезли Варю еще за нѣсколько дней до начала ученья, и ей пришлось познакомиться только съ тремя дѣвочками ея будущаго класса. Всѣ онѣ по разнымъ причинамъ оставались на лѣто въ институтѣ. Одна изъ нихъ, Попова, была круглая си-

рота; другая, Грече, была дочь моряка, и семья ея жила во Владивостокѣ. Третья, Бобровская, осталась на лѣто по собственному желанію и это не мало удивляло Варю.

Съ Олей Бобровской Варя стала проводить все время. Онѣ рядомъ спали, рядомъ сидѣли за обѣдомъ и ужиномъ, и почти цѣлый день проводили въ тѣнистомъ институтскомъ саду съ книгой или работой въ рукахъ.

Чаще же всего онѣ разговаривали: Варя рассказывала, а Бобровская слушала ее. Неистощимой темой для рассказовъ служили «домъ» и «родные».

Рассказывала Варя о томъ, какъ весело у нихъ лѣтомъ, когда приѣзжаютъ на каникулы старшіе братья

и сестры, о прогулкахъ, катаньяхъ, любительскихъ спектакляхъ, на которые съѣзжаются всѣ окрестные знакомые...

— А у тебя есть братья и сестры? спрашивала Варя у Оли Бобровской.

— У меня никого нѣтъ, сухо отвѣчала та и старалась переменить разговоръ.

Иногда Варя спрашивала: «Кто изъ нашего класса самая большая шалунья?.. Кто первая ученица?»

— Первая ученица Лида Болховская, а самая большая шалунья Лена Короленко... отвѣчала Бобровская и смѣялась. — Короленко такая отчаянная!. Наша Ольга Андреевна постоянно ее наказываетъ и бранитъ, а ей все нипочемъ!. Ничего не боится!. Такая выдумщица и насмѣшница: ее даже старшія боятся!

— Ну, расскажи мнѣ о ней побольше: мнѣ такъ хочется съ ней скорѣе познакомиться, вѣдь я тоже шалунья!. Ну, какая она видомъ?

— Да, право, я не умѣю рассказывать. Ну, она румяная съ черными глазами, волосы вьются и черные. Да вотъ завтра она сама пріѣдетъ и ты увидишь.

«Хоть бы скорѣе собирались дѣвочки», думала Варя. «Съ этими можно умереть со скуки. Попова цѣлый день пишетъ дневникъ, Гревеко всѣмъ придирается и бранится. Бобровская еще ничего себѣ, но только слова изъ нея не выжмешь, какая-то кислятина»...

Наконецъ стали съѣзжаться институтки. Варя сидѣла на послѣдней скамейкѣ, рядомъ съ Бобровской и съ любопытствомъ оглядывала входящихъ дѣвочекъ. Въ классѣ стало сразу шумно и оживленно. Воспитанницы здоровались между собой, обмѣнивались лѣтними впечатлѣніями, бѣгали обнявшись по корридорамъ. Нѣкоторыя подходили къ Бобровской, и та знакомила ихъ съ новенькой.

«Гдѣ же Короленко?», думала Варя, разсѣянно отвѣчая на вопросы дѣвочекъ...

Наконецъ въ классъ вбѣжала и она. Варя сразу ее узнала по описанію.

«Лена Короленко, Лена!»!—послышались восклицанія со всѣхъ сторонъ, и подружки окружили ее плотнымъ кольцомъ.

Только Варя и Бобровская остались на своихъ мѣстахъ. Лена Короленко тотчасъ же побѣжала по классу, громко и весело рассказывая что-то подругамъ. Увидя Варю, она остановилась, прищурила свои черные, какъ вишни, глаза и осмотрѣла ее съ ногъ до головы.

У Вари сердце застучало отъ волненія, но она пересилила себя и холодно, вызывающе посмотрѣла прямо въ глаза бойкой дѣвочкѣ.

Видимо удивленная такой необыкновенной смѣлостью Вари, Короленко быстро подошла къ ней и, протянувъ ей руку, сказала веселымъ задорнымъ голоскомъ:

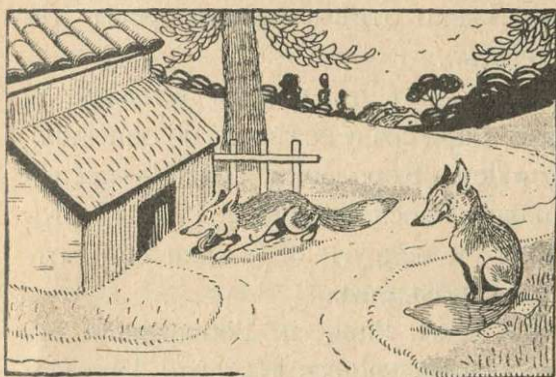
— Какъ ваша фамилія? Давайте знакомиться!

— Какъ глупо, что ты голодна! Пойдемъ, я покажу тебѣ, гдѣ можно поживиться!

— А насъ тамъ собаки не съѣдятъ?
— Нѣтъ, не безпокойся!! Я знаю тамъ всѣ ходы и выходы!

Прибѣжали къ курятнику. Сытая лиса и говоритъ голодной:

— Ты хоть и голодна, но посиди здѣсь и подожди, когда я выгоню на тебя изъ курятника курь!

А сама забралась въ курятникъ и стала тамъ расправляться по своему.

— Что-же ты не выгоняешь такъ долго курь? спросила ее голодная лиса.— Сама ѣшь ихъ, а у меня только слюнки текутъ!

— Подожди, подожди! отвѣтила сытая лиса— сейчасъ выгоню.

— Нѣтъ ужъ, не надо... Прощай! Пусть вмѣсто меня тебя подождетъ теперь собака!

Голодная лиса убѣжала, а сытую ожидаль очень радушный пріемъ.

Отняли.

Варя вся вспыхнула отъ удовольствія и подвинулась, чтобы дать мѣсто новой знакомой. Онѣ заговорили такъ, какъ будто всегда знали другъ дружку, а къ концу разговора уже рѣшили сѣсть на одну скамейку.

— Ты шалунья? спрашивала за тѣмъ Лена Короленко у новой подруги.—Я сразу увидѣла, что ты молодецъ!

Варя съ удовольствіемъ созналась, что она шалунья...

Короленко жила лѣто и зиму въ усадьбѣ, такъ-же какъ и Варя. У обѣихъ дѣвочекъ была большая семья, братья учились даже въ одномъ корпусѣ,—словомъ общаго нашлось такъ много, что съ перваго же дня онѣ стали неразлучны. Если одну наказывали, ставили въ уголъ, то другая непременно становилась рядомъ для компаніи. Если одна получала письмо отъ родныхъ, то радовались и читали его обѣ дѣвочки. Бобровская была совершенно забыта, и Варя была торжественно принята въ кружокъ «отчаянныхъ», главой которыхъ считалась Лена Короленко. Все свободное отъ занятій время «отчаянныя» употребляли на чтеніе романовъ Жюль Верна, которые имъ приносили братья, кадеты, подъ видомъ конфетъ; а также на разнаго рода выдумки и шалости. По вечерамъ, когда классной дамы почему нибудь не было въ классѣ, онѣ устраивали цѣлыя драматическія представленія, причемъ сюжеты брали изъ прочитанныхъ книгъ. Иногда убѣгали въ гимнасти-

ческій залъ и катались тамъ съ деревянной горки или-же бѣгали на гигантскихъ шагахъ, если веревки почему нибудь не были сняты послѣ урока. Все это продѣлывалось, конечно, въ полнѣйшей темнотѣ и молчаніи. Для того, чтобы производить какъ можно меньше шума, убѣгая изъ класса, шалуньи ухитрялись отрѣзать перочиннымъ ножомъ свои, и безъ того маленькіе, каблукы у казенныхъ ботинокъ. Но любимой шалостью «отчаянныхъ» было путешествіе въ дортуары 3-го этажа.

— Займите чѣмъ-нибудь нашу нѣмку, говорила Короленко, — мы хотимъ удрать изъ класса.

Воспитанницы, не участвовавшія въ побѣгѣ, окружали классную даму, заводили съ ней бесѣду на нѣмецкомъ языкѣ, а шалуньи выходили украдкой изъ класса и собирались вмѣстѣ на площадкѣ лѣстницы. Отсюда уже вмѣстѣ неслись на верхъ. Этотъ походъ представлялъ не мало опасностей. Первая опасность,—налетѣть на классную даму или инспектрису, что и случалось не рѣдко. Вторая опасность,—попасть въ лапы страшной Феничкѣ, прозванной черберомъ за свирѣпый нравъ. Феничка, дѣвушка изъ верхней умывальной, была настоящимъ пугаломъ для «отчаянныхъ.» Она какимъ-то чутьемъ угадывала присутствіе незванныхъ гостей въ верхнемъ этажѣ.

Когда дѣвочки тихонько пробирались по верхнему корридору, Феничка выскакивала изъ умывальной, ста-

новилась поперекъ корридора, разставивъ руки и ноги въ видѣ буквы «х», и кричала зычнымъ голосомъ:

— Что, барышни, попались?.. Я вамъ покажу, какъ по дортуарамъ бѣгать!

Дѣвочки какъ мыши прыскали въ разныя стороны и прятались подъ кроватями, пока Феничка не уходила къ себѣ въ умывальную, довольная, что напугала барышень. Вечеромъ въ дортуарѣ, когда дежурная класная дама уходила къ себѣ въ комнату, дѣвочки долго не спали, рассказывая разныя страшныя исторіи, на что Варя была великая мастерица.

Однажды среди одного повѣствованія, одна дѣвочка громко расплакалась, напуганная «вольчьей головой, которая высунулась изъ-подъ кровати храбраго рыцаря»... Главной же темой вечернихъ разговоровъ служили «домъ» и «родные». Тутъ уже отличалась Короленко, у которой былъ неисчерпаемый запасъ разныхъ приключеній и шалостей; она вспоминала о нихъ съ увлеченіемъ. Бобровская не участвовала въ «походахъ» этого кружка, но по вечерамъ слушала рассказы Вари и Короленко о родномъ домѣ, о братьяхъ, маленькихъ сестрахъ, и тяжело при этомъ вздыхала. Она была всегда и вездѣ одна. Отецъ ея, профессоръ, не имѣлъ времени заниматься дочерью, а тетка погрузилась въ хозяйство и не обращала на племянницу никакого вниманія. Матери она не помнила. Потому и дома, у отца, она чувствовала себя

одинокю и предпочитала лучше оставаться на лѣто въ институтѣ. Слабая здоровьемъ и не особенно способная, замкнутаго характера,—она всегда стояла въ сторонѣ отъ всѣхъ горестей и радостей класса.

Училась Бобровская плохо, и дѣвочки хохотали чуть не на весь классъ, когда старичекъ Вернеръ, учитель нѣмецкаго языка, поправлялъ ея тетрадку съ нѣмецкими глаголами, въ которыхъ было всегда много ошибокъ.

— Это очень стыдно, фрейлейнъ Бобровски, такъ нишево не знайтъ!. Очень стыдно!.. Таа.

И старикъ въ волненіи бѣгалъ по классу.

«Отчего однѣмъ и здоровье и способности и всеобщая любовь», думала она, «а мнѣ ничего? Вотъ Короленко получила письмо отъ мамы и даже заплакала отъ радости. Вѣрно мама ее очень любитъ! А мнѣ вотъ никто никогда не напишетъ, никто не приласкаетъ!.. И за что меня не любятъ дѣвочки? Если за то, что я больная и неспособная, то вѣдь я въ этомъ не виновата. Всѣ любятъ Короленко и Варю. Но имъ и такъ хорошо живется: у нихъ есть семья, мама... И почему Варя забыла о моемъ существованіи, слова со мной теперь не скажетъ?. Эта Короленко отбила ее у меня».

И ночью, когда всѣ уже спали, много слезъ пролила одинокая дѣвочка. И кончилось дѣло тѣмъ, что она стала ненавидѣть эту веселую, безпечную Лену Короленко, которая

задавала тонъ всему классу, и дружба съ которой считалась за высшее счастье...

Короленко часто подтрунивала надъ ней, какъ и надъ многими другими въ классѣ. Но самолюбивая больная дѣвочка принимала всѣ ея шутки близко къ сердцу и не отвѣчала на нихъ только потому, что не умѣла отвѣтить.

Однажды вечеромъ Короленко, дежурная по дортуару, проходила между кроватями и посылала всѣхъ умываться.

— Кощей безсмертный, маршь въ умывальную! крикнула она Бобровской, смѣясь ей прямо въ лицо.

— Прощу тебя, Короленко, не давать мнѣ глупыхъ прозвищъ, рѣзко отвѣтила всегда молчавшая Бобровская.

— Что съ тобой, Оля?—продолжала смѣяться Короленко. Ты вѣрно мыла наглоталась?

— А, ты опять! закричала Бобровская и, размахнувшись, ударила дѣвочку по спинѣ. Гордая Лена Короленко поблѣднѣла какъ мѣлъ и истерически стала рыдать.

Въ дортуарѣ поднялся страшный шумъ. Подруги столпились вокругъ обиженной.

— Что за гадость!.. Какъ смѣла Бобровская обидѣть Лену!.. кричали кругомъ.

Бобровская стояла въ умывальной, мылила безъ конца руки и старалась успокоиться, но не могла. Ненависть прошла, и въ душѣ у нея вдругъ

стало подниматься острое чувство жалости къ веселой Ленѣ Короленко, которую она такъ жестоко обидѣла...

Она вернулась въ дортуаръ, когда уже лампы были потушены и все было тихо. Лежавшая съ ней рядомъ Варя, повернулась на кровати и, наклонивъ надъ ней покраснѣвшее отъ возбужденія лицо, сказала дрожащимъ голосомъ:

— Я тебя не-на-вижу, слышишь, Бобровская?.. не-на-вижу, и больше со мной ни слова!...

И она повернулась къ ней спиной.

Съ этого дня жизнь Бобровской въ институтѣ стала еще тяжелѣе, чѣмъ прежде. Компанія Лены Короленко не говорила съ ней, и только сама обиженная иногда удивленно смотрѣла на нее, какъ бы не узнавая въ ней прежней тихони и мямли.

Наступало Рождество. Почти всѣ дѣвочки разѣхались по домамъ. Къ удивленію всѣхъ уѣхала и Бобровская... Вернулась же она съ Рождества еще угрюмѣе и молчаливѣе, и иногда такъ задумывалась, что не замѣчала, что дѣлается кругомъ.

Однажды вечеромъ съ ней сдѣлался какой-то странный припадокъ... Класной дамы не было въ классѣ. Дѣвочки тихо сидѣли на своихъ мѣстахъ и учили уроки. И вдругъ слышался какой-то странный шумъ на задней скамейкѣ, гдѣ сидѣла Бобровская. Всѣ обернулись туда. Бобровская стояла около своего открытаго попитра, брала одну за другой свои бездѣлушки, которыхъ у нея

было много, и бросала ихъ объ стѣну. Тррахъ!.. раздавалось по классу. Вотъ летитъ фарфоровая вазочка: тррахъ!.. и рассыпается въ дребезги; за ней стеклянная кружка съ металлической крышкой: дзиннь!!

— Она съ ума сошла! зашумѣли дѣвочки, окружая ее. — Бобровская, что съ тобой?.

Бобровская потупила голову и молчала, потомъ тяжело вздохнула, легла головой на крышку попитра и горько заплакала, содрогаясь всѣмъ тѣломъ. Варя и Короленко стали взволнованно глядѣть другъ на дружку, смутно понимая причину ея горя.

— Злая мы всѣ, злая и гадкія! заговорила Короленко, стискивая зубы.—Это мы ее довели до такихъ поступковъ!

И она побѣжала на свое мѣсто, чтобы скрыть свое волненіе. А подруги наперерывъ бросились утѣшать Бобровскую...

И въ этотъ вечеръ въ первый разъ въ жизни она была не одинока.

Послѣ этого случая Бобровская стала какъ-то спокойнѣе и веселѣе.

Варя и Короленко наперерывъ старались помогать ей въ урокахъ, но дѣло подвигалось туго.

— Я вѣдь все равно останусь въ классѣ, говорила Бобровская, такъ стоитъ ли заниматься?.

И она совсѣмъ забросила учење, и цѣлыми днями переписывала стихи или клеила изъ разноцвѣтной бумаги хорошенькія коробочки, которыя раздавала подругамъ.

Насталъ Великій постъ. Запахло весной. Солнышко все дольше и дольше стало заглядывать въ окна классовъ, отвлекая дѣвочекъ отъ уроковъ... Изъ сада онѣ стали приносить подсиѣжники, вѣтки душистаго тополя и ставили ихъ на окна. Настроение поднялось... Скоро Пасха!.. Скоро свѣтлый праздникъ! На страстной онѣ говѣли и усердно ходили въ церковь. Бобровская почти не выходила изъ лазарета: она стала кашлять, и ей запретили говѣть. Наканунѣ исповѣди Ольга Андреевна, французская классная дама, сказала дѣвочкамъ рѣчь на французскомъ языкѣ, о томъ что «надо прежде всего быть доброй»... Дѣвочки молча слушали ее, но ея слова не западали имъ въ сердце... Ея холодные глаза рѣдко смотрѣли ласково на дѣтей.

— Ахъ, Лида! шептала подругѣ толстушка Норманъ, я ужасно боюсь идти къ батюшкѣ на исповѣдь. Вчера не утерпѣла и съѣла цѣлую коробку соломки. Ну, право, не могла вытерпѣть!.. Вѣдь это надо сказать батюшкѣ? Да?

— Не это грѣхъ, вдругъ строго сказала Варя.—Грѣхъ то, что мы всегда такъ скверно обращались съ Бобровской, что мы не умѣли ее понять...

На слѣдующій день, послѣ причастія къ нимъ пришла изъ лазарета Бобровская.

— Что у тебя болитъ? спрашивали подруги. Отчего ты все въ лазаретѣ? Бобровская, блѣдная, какъ

смерть, кашляла и тяжело вздыхала.

— Грудь немного болитъ, отъвѣчала она, и кашляю. А такъ я здорова.

Настала Пасха, чудный весенній праздникъ!.. Въ открытыя окна классовъ врывался и гудѣлъ торжественный колокольный звонъ. Запахъ распускающейся черемухи несся изъ институтскаго сада. Дѣвочки щебетали какъ ласточки, толпясь у открытыхъ оконъ, и мечтая о скорой свободѣ и о «домѣ». И только Бобровской не было между ними. Ее отвезли домой, и больше она уже не появлялась въ институтѣ.

А затѣмъ пришло извѣстіе, что Бобровская умерла.

Въ первую минуту это встревожило весь ея классъ, ошеломило

всѣхъ ея подругъ, но радость жизни, яркое, теплое солнце и счастье скорого свиданія съ родными взяли верхъ надъ ея товарками и онѣ скоро о ней позабыли.

И одинокая больная дѣвочка стала еще болѣе одинокой въ своей далекой, свѣженькой могилѣ.

Надъ нею пѣли птицы, цвѣли цвѣты и лѣтній вѣтерокъ шелестѣлъ листовую деревьевъ. Но никто не приходилъ навѣстить ее и только иногда далеко-далеко, за нѣсколько сотъ верстъ оттуда, ходя по парку своей усадьбы, Варя вдругъ вспоминала о своей подругѣ и щеки начинали у нея краснѣть.

— Оля, прости меня... шептала она.

И слезы навертывались у нея на глазахъ.

М. Ю. Зубова.

ПРИХОДЪ ВЕСНЫ.

Дышитъ яркими лучами
Глубь лазурной вышины,
И опять звучитъ надъ нами
Пѣсня ласковой Весны:

«Пробудись, земля родная,
Изумрудная земля!
Я иду, въ сіяньи мая,
На душистыя поля.

Любо травамъ бархатистымъ
Зеленѣть и разцвѣтать,
Любо ландышамъ росистымъ
На разсвѣтѣ трепетать!

Пусть опять щебечутъ птицы
И шумитъ зеленый лѣсъ!
У меня, Весны-парицы,
Много благостныхъ чудесъ.

Пусть ручьи, неумолкая,
Воспоютъ мою красу...
Я иду, въ сіяньи мая, —
Жизнь и радость я несу!»

М. П.

НОВГОРОДЦЫ.

(Повѣсть).

Ну, чѣмъ заняться въ долгій осенній вечеръ, когда дождь ручьями льетъ на землю и когда съ утра и до вечера нельзя высунуться изъ дома? И въ большой гостиной стариннаго помѣщичьяго дома, въ которомъ столько обитателей, и взрослыхъ и дѣтей, зажигаютъ чуть не съ четырехъ часовъ дня массивныя старинныя лампы, такія-же старыя, какъ и сама бабушка, и такія-же величественныя, какъ и она. И глядя на нихъ, невольно вспоминаешь о томъ времени, когда не существовало еще ни керосина, ни газа, ни электрическаго освѣщенія...

Конецъ сентября. Дни стали уже короткими и скоро наступитъ глубокая осень. Ну, можно-ли терять драгоценное время и сидѣть сложа руки, когда еще хоть по комнатамъ можно порѣзвиться и чтонибудь затѣять? Но весь вопросъ въ томъ: что затѣять? Все уже надоѣло. Пятнашки, прятки, палочка-воровочка все это уже приѣлось и дѣтямъ хочется на воздухъ, въ садъ и въ лѣсъ, но тамъ идетъ этотъ противный нудный дождь и все мокро такъ, точно въ колодецѣ. Скучно и взрослымъ... Папа ходитъ изъ угла въ уголъ и то и дѣло поглядываетъ въ окно, мама принялась за штопанье и починку, у фрейлейнъ стала часто болѣть голова и только одна милая бабушка по-прежнему занята своимъ

вышиваньемъ и нисколько не скучаетъ.

По сосѣдству живетъ помѣщикъ Иванъ Игнатьичъ. У него большая библиотека и онъ ученый. Онъ пишетъ умныя, замысловатыя статьи и даже печатаетъ ихъ въ газетахъ. Папа сказалъ однажды, что не всякій понимаетъ то, о чемъ пишетъ Иванъ Игнатьичъ, и что для того, чтобы его понять, нужно быть такимъ-же ученымъ, какъ и онъ.

И вотъ, чтобы не было скучно, папа послалъ ему письмо, съ просьбой навѣстить его и прочитатъ что-нибудь ученое. Иванъ Игнатьичъ согласился и приѣхалъ съ цѣлою грудю бумагъ. Приѣхали и другіе сосѣди, всѣ чинно усѣлись по мѣстамъ.

Иванъ Игнатьичъ поправилъ на себѣ галстухъ, выпилъ стаканъ воды, откашлянулся и громко началъ: «О реальномъ направленіи классической филологіи».

Его лекція обѣщала быть длинной и скучной и дѣти уже заранѣе заерзали на стульяхъ и стали ужасаться, что имъ придется еще долго просидѣть спокойно.

Ихъ было шестеро, отъ шести и до десяти лѣтъ, трое родныхъ и трое двоюродныхъ, и всѣ они чинно сидѣли на табуреткахъ по стѣнамъ гостиной. И когда Иванъ Игнатьичъ торжественнымъ голосомъ при свѣтѣ

старинной лампы читаль свое замысловатое произведе-
ніе, дѣти тихонько, шепотомъ, стали вести между собой
слѣдующій разговоръ:—

Боря (мальчикъ шести лѣтъ, съ волосами, спускаю-
щимися на лобъ, и съ голубыми любопытными глазами).
Отчего это у Ивана Игнатьича нѣтъ на головѣ воло-
совъ? Должно быть, его драли за нихъ, когда онъ былъ
маленькимъ... О чемъ это онъ читаетъ? Ты понимаешь,
Лиза?

Лиза. Слова понимаю, а смысла нѣтъ...

Коля (десяти лѣтъ, считающій себя умѣе всѣхъ).
Ты мала еще, оттого и не понимаешь... Вотъ доростешь
до меня, тогда и поймешь!

Гриша. Только я не по-
нимаю одного: почему намъ
запретили бѣгать и про-
изводить шумъ?

Сережа. Когда я вы-
росту большой, я ни за что
не буду Иваномъ Игнатьи-
чемъ. Я лучше буду инже-
неромъ и изобрѣтателемъ.

Варечка. Тогда ты изо-
брѣтешь такое шильце, что-
бы проколоть дырочку на
головѣ у Ивана Игнатьича

Боря.

Лиза.

и вставить въ нее во-
лосокъ. Все колоть и
вставлять, колоть и
вставлять. И вся го-
лова покроется воло-
сами...

Всѣ дѣти вдругъ
приснули отъ смѣха.
Папа повернулся къ
нимъ, нахмурилъ бро-
ви и сказалъ:—Тссс!..

Наступила вновь
тишина и только

слышно было, какъ Гриша переворачиваль во рту
леденецъ и постукиваль объ него зубами.

— Какая скука! вдругъ снова послышался
вздохъ.—И кто это изобрѣлъ тишину?

— Знаете, что? зашептала вдругъ Лиза.—Да-
вайте попросимъ бабушку намъ что-нибудь раз-
сказать! Ей тоже скучно!

— Давайте! Давайте! зашептали вдругъ всѣ

Коля.

дѣти. — Пойдемте, попросимъ ее! Она добрая! Она намъ расскажетъ!

И всѣ потихонечку поднялись со своихъ мѣсть, каждый взявъ свой табуретъ и длинной вереницей дѣти потянулись вдоль стѣны, за спинами серьезныхъ людей, къ тому мѣсту, гдѣ въ уголку сидѣла бабушка и при свѣтѣ маленькой лампочки вышивала.

Бабушка была очень стара. Такая старая, такая старая, что старше даже, чѣмъ папа и мама. Сѣдые букли спускаются у нея изъ-подъ чепца пощекамъ, но щеки у нея розовыя и выраженіе губъ и глазъ у нея такое доброе, что дѣтямъ такъ и хочется ее приласкать. Дѣти обожаютъ ее, хотя она и ворчитъ на нихъ иногда, къ тому-же она прожила на свѣтѣ столько лѣтъ и столько видѣла на своемъ вѣку, что стоитъ только ей открыть ротъ и инте-

Сережа.

Гриша.

ресныя исторіи посыпятся изъ него сами собой.

Дѣти такъ тихо подкрадываются къ ней, что она, всегда такая чуткая, даже и не замѣчаетъ ихъ. А затѣмъ она вдругъ вздрагиваетъ и хочетъ поворчать на нихъ за то, что они ее испугали, но глаза ея смѣются.

— Что вамъ тутъ нужно, шалунишки этакіе? спрашиваетъ она ихъ въ полголоса.

— Бабушка, послѣдовалъ отвѣтъ. — Намъ запрещаютъ шумѣть и громко разговаривать. Намъ такъ скучно, что мы всѣ сейчасъ умремъ!

— Чего-же вы отъ меня хотите?

— Расскажи намъ что-нибудь...

— Да вѣдь Иванъ Игнатьичъ сейчасъ рассказываетъ! Слушайте его!

— Онъ рассказываетъ сейчасъ такую скуку, что весело однимъ только большимъ!

Варечка.

Бабушка улыбнулась.

— О чемъ-же мнѣ вамъ разсказать? Дѣти обступили ее со всѣхъ сторонъ.

— Сказку, сказку! заговорила Лиза.

— Нѣтъ, лучше какую-нибудь страшную исторію! слышались голоса.

— Нѣтъ, не исторію, а былъ... Бабушка, разскажи намъ какую-нибудь былъ!

Бабушка вдѣла въ иголку нитку и поправила на себѣ очки.

— Вотъ видите, дѣтки, сказала она.—Вамъ скучно, а въ ваши годы мы и понятія не имѣли, что значить скучать... А все почему? Потому что всѣ люди писали и говорили понятное для всѣхъ: и для дѣтей и для взрослыхъ. Бывало отецъ принесетъ сочиненія Карамзина, соберетъ вокругъ себя всю нашу семью, и старыхъ и молодыхъ, и начнетъ намъ читать «Марфу посадницу» или «Наталью боярскую дочь». Мы слушаемъ и режемъ въ три ручья. А теперь вотъ такія книги пошли, что одни понимаютъ, а другіе—нѣтъ, однимъ можно читать, а другимъ нѣтъ! Въ наше время книги можно было всѣмъ читать! Вотъ какія были книги! Я и сама вотъ сижу, этого барина слушаю, да ничего не понимаю.

— Бабушка, разскажи намъ про Марѳу посадницу! обратился къ бабушкѣ Коля.

— А ты вотъ пойдѣ къ папѣ въ кабинетъ, возьми повѣсти Карамзина, да и прочти!

— Нѣтъ, бабушка, разскажи ты

— Разскажи, разскажи, бабушка! Пожалуйста!

Бабушка вздохнула и поглядѣла на дѣтей.

— Ну, ужъ не знаю, припомню ли... сказала она.—Лѣтъ пятьдесятъ, какъ не читала... Только чуръ, сидѣть тихо и чтобы у меня ни-ни!

И она поднялась съ мѣста.

— Бабушка, ты куда? испугались дѣти.

— Помогите-ка мнѣ перенести мои пожитки вотъ сюда, указала она имъ на мѣсто въ глубинѣ окна.—Здѣсь мы сядемъ всѣ за занавѣску, насъ никто и не услышитъ!

И въ одно мгновеніе ока пяльцы, лампа, кресло и всѣ шесть табуретокъ очутились за занавѣской. И въ то время, когда лысый господинъ читалъ передъ собраніемъ свою лекцію о «классической филологіи», дѣти усѣлись вокругъ своей бабушки и она начала свой разсказъ:

Раздался звукъ вѣчеваго колокола и вздрогнули сердца въ Новгородѣ. Всѣ спѣшатъ. Недоумѣніе, любопытство, страхъ и надежда влекутъ гражданъ на площадь. Всѣ спрашиваютъ; никто не отвѣчаетъ... Тамъ, противъ древняго дома Ярослава, уже собрались посадники, тысяцкіе съ жезлами, бояре, люди и старосты всѣхъ пяти концовъ новгородскихъ съ серебряными сѣкирами. Но еще не видно никого на лобномъ или Вадимовомъ мѣстѣ. Народъ крикомъ заглушаетъ звонъ колокола и требуетъ

открытія вѣча. Іосифъ Дѣлинскій, именитый гражданинъ,—всходитъ на желѣзныя ступени, открываетъ съдую голову, кланяется народу и говоритъ ему, что Великій князь московскій, Іоаннъ III, прислалъ въ Новгородъ своего боярина, который желаетъ всенародно объявить его требованія... Іосифъ сходитъ и вмѣсто него является на Вадимовомъ мѣстѣ, съ гордымъ видомъ и въ латахъ, воевода, князь Холмскій, посоль Іоанна. Всѣ безмолвствуютъ.

— Граждане новгородскіе! говоритъ онъ.—Князь московскій говоритъ съ вами—внимайте! Земля Русская воскресаетъ. Великій князь Іоаннъ пробудилъ отъ сна древнее мужество русскихъ, ободрилъ унылыя войска, и берега Камы уже были свидѣтелями нашихъ побѣдъ. Татарское иго уже поколеблено и будетъ свергнуто на этихъ мѣсяцахъ. Іоаннъ не опуститъ державной руки своей, пока не сокрушитъ враговъ и не смѣшаетъ ихъ праха съ землею. Онъ уже соединилъ всѣ княжества подъ своею державою, и признанъ властелиномъ земли Русской. Но радость его не будетъ полной, пока Новгородъ не будетъ принадлежать ему, какъ и всѣ прочіе русскіе города. Іоаннъ желаетъ быть государемъ новгородскимъ!..

«Народъ и граждане! Пусть великій князь Іоаннъ III властвуетъ въ Новгородъ такъ-же, какъ онъ властвуетъ въ Москвѣ, или попомните это—его храброе войско, готовое со-

крушить татаръ, явится прежде къ вамъ и завоюетъ васъ силою!.. Миръ или война? Отвѣчайте!»

Съ этими словами бояринъ Холмскій надѣлъ шлемъ и сошелъ съ лобнаго мѣста.

Наступаетъ молчаніе. Всѣ въ изумленіи. Вдругъ колеблются толпы народа и раздаются восклицанія:

— «Марѳа, Марѳа!» На желѣзныя ступени тихо и величаво всходитъ женщина; она смотритъ на безчисленное собраніе гражданъ, и безмолвствуетъ... Важность и скорбь видны на ея блѣдномъ лицѣ. Но скоро лицо ея покрылось румянцемъ и она сказала:

— Я родилась на войнѣ, подъ звукъ оружія; отецъ и мужъ мой погибли, сражаясь за Новгородъ. Могли я говорить передъ собраніемъ?

— Говори, славная дочь Новгорода!—воскликнулъ народъ—и глубокое молчаніе снова воцарилось на площади.

— Потомки славянъ! начала Марѳа.—Съ самыхъ незапамятныхъ временъ Новгородъ повиновался только своей волѣ и больше ничьей. Въ кіевлянахъ и другихъ россіянахъ отцы наши любили только родственную имъ кровь славянскую, служили имъ какъ друзьямъ и братьямъ, разили ихъ непріятелей и вмѣстѣ съ ними славились побѣдами, но никогда имъ не подчинялись.

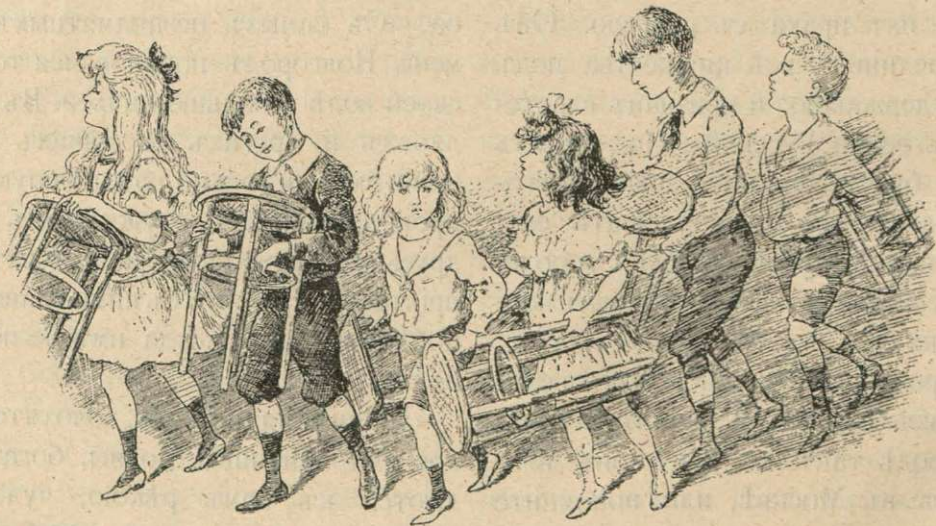
«Наши поля цвѣтутъ, золотятся колосьями, житницы полны, богатства льются къ намъ рѣкою; чужеземные гости ищутъ нашей дружбы, уди-

Бабушка была очень стара.

вляются славѣ великаго Новгорода, красотѣ его зданій, общему избытку гражданъ и, возвратясь въ страну свою, говорятъ: «мы видѣли Новгородъ и ничего подобнаго ему не видали!» Вся остальная Россія бѣдствуетъ—ея земля обагрѣется кровью, города и деревни ея опустѣли, вдовы и сироты просятъ милостыню на распустьяхъ. А мы счастливы. У насъ все есть...

«Великій князь Іоаннъ желаетъ повелѣвать нашимъ городомъ: это не удивительно! Онъ собственными глазами видѣлъ славу и богатство его. Но всѣ народы земные и будущія столѣтія не перестанутъ дивиться, если мы захотимъ ему подчиниться. Какими надеждами онъ можетъ обольстить насъ? Вѣдь мы благоденствуемъ и свободны! Благоденствуемъ отъ того, что свободны! Ему остается только молить Бога, чтобы Онъ ослѣпилъ насъ, тогда, быть можетъ, мы поймемъ, что Москва лучше Новгорода, и позабудемъ, что права новгородскія всего святѣе намъ на свѣтѣ. Давно уже молва народная извѣстила насъ о величій князя Іоанна. Да будетъ великъ Іоаннъ, но да будетъ великъ и Новгородъ! Пусть Іоаннъ идетъ противъ монгольскихъ варваровъ, и наши войска помогутъ ему побѣдить татаръ! Но когда онъ сокрушитъ врага, тогда мы скажемъ

Каждый взялъ свой табуретъ.

Дѣти тихонько подкрались къ ней.

ему: Иоаннъ! ты возвратилъ землѣ Русской честь и свободу, которыхъ мы никогда не теряли. Владѣй сокровищами, найденными тобою въ станѣ татарскомъ. Царствуй съ мудростію и славою; залечи глубокия язвы Россіи; сдѣлай подданныхъ своихъ счастливыми — и если когда-нибудь Всевышній накажетъ насъ раздорами, бѣдствіями и униженіемъ, тогда — клянемся — мы придемъ къ тебѣ въ Москву, и скажемъ: «владѣй нами! мы уже не умѣемъ править собою!»

«Ты содрогаешься, народъ Новгородскій? Не страшись угрозъ Иоанна; сердце твое пылаетъ любовію къ родному городу и ты съумѣешь умереть за честь Новгорода!

«Знай же, о Новгородъ, что съ утратою твоей вольности изсякнетъ и самый источникъ твоего богатства: она оживляетъ трудолюбіе, изошряетъ

серпы и златитъ нивы; она привлекаетъ иностранцевъ въ наши стѣны съ драгоценными товарами; она же окрыляетъ суда новгородскія, когда они съ богатымъ грузомъ несутся по волнамъ! Померкнетъ слава твоя, градъ великій! Опустѣютъ многолюдные концы твои; широкия улицы заростутъ травою, и великолѣпіе твое исчезнетъ. Напрасно любопытный

странникъ среди печальныхъ развалинъ захочетъ искать того мѣста, гдѣ собиралось твое вѣче, никто ему не укажетъ его. Онъ задумается горестно и скажетъ только: «здѣсь былъ когда-то Новгородъ!»

Тутъ страшный вопль народа не

Дѣти усѣлись вокругъ своей бабушки.

даль уже говорить посадницѣ. «Нѣтъ, нѣтъ! мы всѣ умремъ за нашъ городъ!» восклицаютъ безчисленные голоса: «Новгородъ—останется нашъ! Пусть явится Иоаннъ съ своими войсками!»

Чтобы еще болѣе подѣйствовать на умы, Марѳа показываетъ цѣпь, гремитъ ею въ рукѣ и бросаетъ на землю; народъ въ изступленіи попираетъ оковы ногами, и кричитъ: «Новгородъ—нашъ! Война, война Иоанну!» И напрасно князь Холмскій желаетъ еще говорить и требуетъ вниманія, его заставляютъ молчать. Тогда онъ извлекаетъ мечъ, ударяетъ имъ о лобное мѣсто и громко говоритъ:

— И такъ, да будетъ война между великимъ княземъ Иоанномъ и гражданами новгородскими! Пусть Богъ судитъ виноватыхъ!

Народныя толпы передъ нимъ разступаются, и Холмскій выходитъ изъ города. Тамъ ожидаетъ его московская дружина... Марѳа слѣдуетъ за нимъ взоромъ, а онъ садится на коня, и еще долго смотритъ на Новгородъ. Желѣзные запоры стучатъ на городскихъ воротахъ, и бояринъ тихо ѣдетъ по московской дорогѣ, провожаемый своими воинами. Вечерніе лучи солнца отражаются на ихъ блестящемъ оружіи.

Марѳа вздыхаетъ свободно.

— Жребій брошенъ, говоритъ она, да будетъ то, что угодно судьбѣ!..

И она сходитъ съ лобнаго мѣста.

Вдругъ раздается трескъ и громъ на Великой площади... Земля коле-

блется подъ ногами... набатъ и шумъ народный умолкаютъ... всѣ въ изумленіи. Густое облако пыли закрываетъ отъ глазъ домъ Ярослава и лобное мѣсто... Сильный порывъ вѣтра разноситъ наконецъ густую мглу и всѣ съ ужасомъ видятъ, что высокая башня Ярослава пала вмѣстѣ съ вѣчевымъ колоколомъ и дымится въ своихъ развалинахъ. Пораженные этимъ явленіемъ, граждане безмолвствуютъ... Затѣмъ подобно глухому стону, какъ будто бы исходящему изъ глубокой пещеры, кто-то говоритъ:

«О Новгородъ! Такъ падетъ твоя слава! Такъ исчезнетъ твое величіе!»

Взоры всѣхъ устремляются на то мѣсто, откуда слышится этотъ голосъ, но онъ уже исчезъ въ воздухѣ и такъ и остался тайной для всѣхъ. Чиновники старались успокоить встревоженный народъ, но онъ вѣрилъ одной только Марѳѣ и требовалъ ее къ себѣ. Но посланные нигдѣ не могли ее найти.

Между тѣмъ настала бурная ночь. Засвѣтились факелы; сильный вѣтеръ безпрестанно задувалъ ихъ; тысяцкіе и бояре ревностно трудились съ гражданами: отрыли вѣчевой колоколъ и повѣсили его на другой башнѣ. Народъ слышалъ его звонъ и казался покойнымъ. Посадникъ распустилъ вѣче. Толпы рѣдѣли. Скоро настала всеобщая тишина, и самые огни въ домахъ одинъ за другимъ погасли.

По Н. М. Карамзину.

(Продолженіе будетъ).

АРИТМОГРАФЪ № 6.

Фраза состоитъ изъ двухъ словъ и изъ 13 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. Буквы 5. 10. 11. 12. 7. означаютъ плодъ съ косточкой, 8. 7. 10. 7. 9. 13 — огородный овощъ, 10. 11. 5. 9. 13 часть растенія, 6. 7. 5. 13 — часть времени, 5. 2. 3. 4. 1. 7 — то, что каждому на роду напи-

сано, 7. 9. 10. 7. 5. 13 — шелковую матерію, 3. 2. 1. 13 — дерево, 2. 3. 7. 12. 13 — змѣю, 9. 2. 6. 7. то, что мы видимъ во время дождя, 6. 2. 12. 8. 9. 12. 7 — то, чѣмъ мы постигаемъ все существующее на свѣтѣ.

Какая это фраза и какія это слова?

ФОКУСЪ.

Узнать задуманное число.

Попросите кого-нибудь задумать какое-нибудь число, но не больше 60. Затѣмъ покажите ему нижеслѣдующія шесть табличекъ и пусть онъ укажетъ вамъ, въ какой изъ нихъ находится это число, но не указываетъ самаго числа. Стоитъ только вамъ сосчитать сумму правыхъ верхнихъ угловыхъ цифръ въ указанныхъ задумавшимъ табличкахъ, что-

бы получить задуманное число. Напр., я задумалъ число 37. Оно находится въ табличкахъ 2, 3 и 5. Правыя верхнія угловыя цифры на этихъ табличкахъ суть: 4, 32 и 1. Складывая эти цифры вмѣстѣ, получимъ 37. Такъ можно узнать, кому сколько лѣтъ.

Вотъ эти таблички:

1.

3	6	7	10	11	2
14	15	18	19	22	23
26	27	30	31	34	35
38	39	42	43	46	47
50	51	54	55	58	59

2.

5	6	7	13	12	4
14	15	20	21	22	23
28	29	30	31	36	37
38	39	44	45	46	47
52	53	54	55	60	13

3.

33	34	35	35	37	32
38	39	40	41	42	43
44	45	46	47	48	49
50	51	52	53	54	55
56	57	58	59	60	41

4.

17	18	19	20	21	16
22	23	24	25	26	27
28	29	30	31	48	49
50	51	52	53	54	55
56	57	58	59	30	60

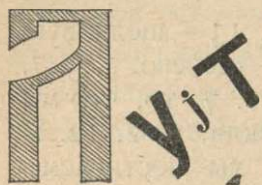
5.

3	5	7	9	11	1
13	15	17	19	21	23
25	27	29	31	33	35
37	39	41	43	45	47
49	51	53	55	57	59

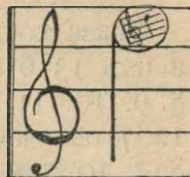
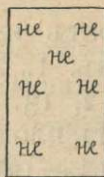
6.

9	10	11	12	13	8
14	15	24	25	26	27
28	29	30	31	40	41
42	43	44	45	46	47
56	57	58	59	60	13

РЕБУСЪ № 7.

ОВ

ШАРАДА № 12.

Часть первая моя — дремучій лѣсъ;
Тамъ рыжики растутъ, брусника по-
спѣваетъ,

И рѣдко солнышко съ небесъ
Туда всѣмъ свѣтомъ проникаетъ.

Второй-же частию поэтъ
Людей великихъ воспѣваетъ.

— А что-же все?

— Да вотъ отвѣтъ:

«Лишь у мужчинъ она бываетъ».

ГОЛОВОЛОМКА.

Изъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному только слову и составить изъ этихъ словъ фразу, означающую историческое событіе 1703 года.

1., Петръ Ивановичъ Добчинскій — это одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Ревизорѣ» Гоголя.

2., Иванъ Великій — это высокая колокольня въ Московскомъ Кремлѣ.

3., Императоръ Константинъ основатель Царьградъ.

4., Мы переѣхали на жительство въ Петербургъ.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно разгадавшихъ эти: ариомографъ, фокусъ, ребусъ, шараду и головоломку будутъ напечатаны).

РѢШЕНИЕ РЕБУСА № 5.

На бе+ре+гу си+д+ели+рыба+ки+ива+ри+ликъ+ашъ+у=На берегу сидѣли рыбаки и варили кашу.

Вѣрное рѣшеніе этого ребуса прислали: Вова Бабинъ — ст. Христиновка. Валя Фигурская въ Теп-

ликѣ, Зоя и Пава Царенко въ Алуикѣ, Тамара и Ира Балашовы въ Рязани, Петя и Катя Александровы, Ира и Маруся Гоабіонъ въ ст. Каменской, Сергѣй Копытко въ Екатеринославѣ, Андриуша Федотовъ въ Мальцевѣ. Дружокъ Панафутина въ Н.-Новгородѣ, Котя и Катя Николаевы въ Харьковѣ, Вѣра Баландина въ Новочеркасскѣ, Миша Магитъ, Женя Слабченко въ Таганцѣ, Вѣрочка Боборыкина въ Гомелѣ, Вадикъ Дзерожинскій, Вѣрочка Борисова, Саша Бронштейнъ, Ньюша Синякова въ Спб., Саша Компанейская въ Спб., Грета Соломатина въ Спб., Вѣра Бордонось въ Ревелѣ, Ксения Слезинская въ Новгородѣ, Володя Новиковъ въ Спб., Петя Мойсенко въ Харьковѣ, Миша Колбасевъ въ Гатчинѣ, Беби Файнциммеръ въ Екатеринославѣ, Роза Иванова въ Спб., Сережа Комиссаровъ, Олѣгъ Добровольская въ Спб., Тата и Юра Гедике въ Спб., Лида Бондырева въ Спб., Женя Домницкая въ Спб., Ольга Крылова, Анна Пинчевская въ Кишиневѣ, Нина Гаккель въ Гатчинѣ, Аля Смѣкаловъ въ Бахмутѣ, Валя Покровская въ Задонскѣ, Лена Попова въ Ставрополѣ, З. Пршемескій въ Кишиневѣ, Аля Гедике въ Земетчинѣ, Боря Гельцеръ въ Кіевѣ, Тема Климашевскій въ Таганрогѣ, В. Мамыкина въ Уфѣ, Миша и Варя Герасимовы, Аля Аладина въ Харьковѣ, Зоя Оболенская въ Могилевѣ, Володя Билинскій въ Одессѣ, Юля Пяткова въ Харьковѣ, Зоя Миронова въ Рязани, Лидія Карбоньеръ въ Новоархангельскѣ, Борисъ Лещкій, К. Ротманъ въ Армавирѣ, Таня Полозова въ Радомѣ, Миша Ефремовъ въ Сумахъ, Таня и Оля Беръ во Владимірѣ, Анна Хвостова въ Вологдѣ, Юра Джебейки и Володя Браиловскій въ Полтавѣ, М. Дроздовъ въ Спб., А. Браиловскій, Женя Браиловскій, Ванюша Гончаровъ—Дарь-Надежда, Лиза Никольская въ Читѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Вамъ Черноу. Сборникъ стихотвореній для дѣтей «Елка» соч. Аллегро (П. Соловьевой), ц. 50 к. въ обложкѣ и перепл. 1 р.

Володѣ Новикову. Томсонъ «Разказы изъ жизни животныхъ» ц. 1 р. 50 к. и проф. Вагнера тоже ц. 5 руб.

Петю Моисеенку. Въ свое время въ нашемъ журналѣ будетъ напечатана статья о крокодилахъ, въ которой вы найдете отвѣтъ на вашъ вопросъ.

Андриушъ Федотову. Журналъ нашъ издается только первый годъ. Переплетъ будетъ изданъ въ ноябрѣ. На крышкахъ будетъ отгиснуть тотъ же рисунокъ, что и на обложкѣ.